

Театр — это не только храм, но и предприятие

Утверждает Олег ТАБАКОВ, главный режиссер Художественного театра

НАРОДНОГО артиста СССР, руководителя МХАТ им. Чехова и "Табакерки" Олег Табаков мы встречали особенно тепло — ведь чаще к нам на "Деловой завтрак" приходят представители власти: министры, губернаторы, политики. Олег Павлович хотел бы поговорить о многом — и о перестановках в театре, о дискуссии вокруг имени Олега Ефремова, о будущем МХАТа. Но наш разговор быстро вышел за рамки "очевидных" вопросов кумиру — время диктовало свои вопросы...

— Олег Павлович, только что установлен памятник Ефремову. По-вашему, каким должен быть памятник знаменитому артисту? Как относиться к дискуссии, разгоревшейся в прессе после публикации откровенных глав из книги Анатолия Смелянского?

— Я думаю, что лучшим памятником человеку является память людей о нем. Да и память всерьез о человеке живет до той поры, пока живы люди любившие, помнившие, ненавидевшие. То есть выражающие свое отношение к содеянному. Что же касается того камня, который поставлен на Новодевичьем, то он хорош, интеллигентен. Некоторые женщины сетовали, что нет там чайки. Крест есть, а чайки нет. Но память все-таки не в этом: память о Ефремове — это хорошие спектакли МХАТа. Чему, в меру слабых сил своих, я и собираюсь посвятить статью.

Владимир Тендряков в повести "Саша выходит в люди", потом преобразованной в фильм "Тугой узел", пролежавший 33 года на полке, писал так: "О мертвых говорят или хорошо, или молчат". Пауза. "Но думают о них по-разному". Я думаю, что Владимир Федорович прав. К публикации Смелянского отношусь нормально. Я люблю Олега, и все, что было тяжелого и трудного с ним за последние годы, вовсе не повлияло на то, что я Ефремова люблю. Я вам больше скажу: отец после войны привез новую семью и моя мама испытывала определенный дискомфорт, когда я виделся с ним. Но я ничего не мог с собой сделать, я все равно виделся с ним, потому что я его любил.

— Через три месяца истечет срок, который вы сами определили для изменений во МХАТе. Что вам удалось сделать, кроме того, чтобы вывести мусор с внутреннего двора МХАТа?

— Как мало вы увидели! Я думаю, кроме мусора из двора, мусор из голов до некоторой степени вытеснен. Пьянь, которая была нормой жизни в этом театре, была отменена. Тут мне как-то не привыкать, я еще став директором "Современника", довольно быстро закончил с вельсьем Руси, которое есть питье. Ничего тут чрезвычайного нет. Мне кажется чрезвычайным то, что было до моего прихода в МХАТ.

Олег Николаевич, будучи человеком не только талантливым, но и совестливым, вел себя похристиански. Дескать, если я сам грешен, то что же я буду неотвратимо карать иных за этот же грех. Такая логика была. Идем дальше: за всю историю независимой России внебюджетных денег МХАТ собрал где-то тысячу 200 долларов. А нынешний бизнес неожиданно таким доверием одарил меня, что принес 700 тысяч за один прошлый год. На эти деньги был сделан ремонт Большой сцены, заменен звук, отремонтирована полностью Малая сцена. Прибавьте еще тысячу 180 долларов, потраченных на покупку светового и электронного оборудования, которое понадобилось для спектакля "Номер 13", "Кабала святош".

Все вместе взятое во МХАТе не ремонтировалось как минимум лет двенадцать. Не находилось у нашего государства заботы и ласки на первую сцену Российской Федерации. Еще один добрый человек сделал щедрый подарок. Мне уже миллионов 15 рублей подарил. На эти деньги была построена новая сцена на 130 мест в здании, которое сейчас занимает музей и театр. Мне захотелось решить эту неразрешимую на первый взгляд проблему, при которой в музей приходит либо 7 с половиной, либо 15 человек в день. На мой взгляд, театральные музеи — это пропаганда того, что из себя сегодня представляет театр, а не камера хранения.

Да, конечно, надо оглядываться в великое прошлое, чтобы понять, что все мы здесь не слишком долго. А все остальное принадлежит дню сегодняшнему. Театр вообще живет сегодня. Живы люди, которые ходят в театр, — жив и театр. Вот и все.

В прошлом году было выпущено пять спектаклей за весь сезон. А в этом году за один месяц — три. Всего думаем за сезон показать десять премьер.

— По какому принципу вы убираете из репертуара спектакли?

— Когда зритель не хочет смотреть что-то — это его, зрителя, безусловное право. Это здоровый принцип. Что же я буду ставить театр в глупое положение. Если зрителей меньше ползала, я этот спектакль снимаю. Гораздо более жестко вели себя отцы-основатели: Владимир Иванович Немирович-Данченко и Константин Сергеевич Станиславский.

Меня удивляет пресса, пре- зрительно произносящая слово

"Мне, извините, успех всегда сопутствовал, так уж получилось".

"успех". Это до какой же степени надо не иметь жизненного успеха, чтобы так думать? Мне, извините, успех всегда сопутствовал, так уж получилось. Это не достоинство и это не заслуга, так сложилось. А успех спектакля — это признак здоровья театра. Здоровья! И Немирович, и Станиславский это отлично понимали. Константин Сергеевич достаточно большие деньги от своих фабрик вложил в Московский Художественный театр и в его успехи. Зритель всегда прав.

— Как чувствуют себя великие мхатовцы на фоне этих решительных реформ?

— Я как бы "законом больших чисел" тоже должен быть причислен к этим самым великим мхатовцам. Так что мы с вами отмечаем сразу это прилагательное. Думаю, старшие мхатовцы чувствуют себя нормально, если говорить об оплате труда: они получают ежемесячно порядка 15 тысяч рублей. Это минимум. А максимум иногда — скажем, Вячеслав Невинный или Ия Сергеевна Савина — они получают и более. Зарплата зависит от того, сколько раз в месяц они играют. О нищете говорить не стоит.

Как чувствуют себя "старички"? Я, честно говоря, не интересуюсь. Вот когда они болеют, я все делаю для того, чтобы счета были оплачены, чтобы условия лечения были нормальными. Я вообще не дружил ни с кем, я ничем не обязан никому из старших мхатовцев. Ни с кем из них не договаривался, хотя такие попытки производились. Я — внешний управляющий. Артист в театре должен быть любим, обогреть, баловать его надо, он в этом расцветает. Но вот зависеть от него никак нельзя: он должен знать свое место. Он — артист, и его место не в буфете, а на сцене. Вовремя и без опозданий!

Поглядите на улицу — там уже давно стоит капитализм с нечеловеческим лицом. Значит, для этого как минимум нужно хорошо делать свое дело, нужно научиться зарабатывать деньги. Театр — это не только храм. Я, во всяком случае, отношусь к театру серьезно и нежно. Что по жизни моей можно проверить. Но театр — это еще театрально-зрелищное предприятие. Сможем зарабатывать деньги — вернем достоинство, перестанем стоять с протянутой рукой. И к этому есть надежды, во всяком случае, предполагаемые доходы в ноябре будут в размере 5 миллионов рублей.

— А как вы обрабатывали спонсоров? По системе Станиславского?

— Нет. Я думаю, что теперь деньги хотят давать тем, кто успешен. Тем, кто не положит деньги в карман, а вложит их в развитие дела. Получили — и вложили в дело. Соблазнять — никого не соблазнял. Я бы даже сказал, мы шли навстречу. Предыдущая система финансирования театра была просто оскорбительной. В силу определенных успехов эконо-

мики нашей у них появилась эта возможность, и я пока не жалею об этом.

— Сколько стоит самый дорогой билет во МХАТ?

— Самый дорогой — полторы тысячи, самый дешевый — пятьдесят рублей.

— Кто из власти ходит к вам в театр?

— И Матвиенко, и Греф, и Клебанов, и Аксенов, и Швыдкой ходит. Супруга Касьянова была. Ходят и во МХАТ, и в "Табакерку".

— Кот Матроскин был провозвестником перестройки...

— И в экономике разбирался больше! Человек-кот оперся на свои силы. У немцев есть крылатое выражение: "Давайте, я не рыбу вам дам, а снасть, чтобы ловить ее". Примерно то же делает кот Матроскин. Позавчера мне принесил новую книжку, которую Эдик Успенский издал про девочку Дядю Федора. Живет мой кот, не бедствует. Мне кажется, что каждый из нас только тогда освобождается от совкового прошлого, когда возьмет на себя всю меру ответственности за самого себя.

— Во МХАТе в новом спектакле главную роль играет ваша жена. Марина Зудина действительно великая актриса или это благодаря связям?

— Безусловно благодаря связям. Несомненно. У нее связи хорошие. Это первое. Во-вторых, главные роли во МХАТе играют не только гениальные актеры и актрисы. Так что снимаем это прилагательное, снизим уровень притязаний. Марина Зудина — серьезный, одаренный и в хорошей форме находящийся профессионал. Она была приглашена на эту роль по одной простой причине: актрисы на роль Антигоны не нашлось в труппе. Я вовсе не хочу переложить ответственность на уважаемого Темура Чхеидзе, хотя он распределил роли. Но, пожалуй, даже, если бы Темуру уклонился от этой обязанности, я бы назначил на роль Антигоны сегодня Зудину. А может, через два-три года это будет студентка Урсуляк, или студентка Мороз, или еще какая-то другая.

— Расскажите про детективную историю, про то, как вам под дверь положили сценарий и вы искали загадочного автора. Нашли?

— Нашел. Как пелось в песне: "Кто ищет, тот всегда найдет". Мы были на гастролях в Туапсе. У портье гостиницы мне оставили пьесу. Как прочел, у меня просто раскрылся рот и глаза от удивления перед владением драматическим письмом...

А об авторе ничего неизвестно, кроме подписи: "Светлана Савина" и названия пьесы "Скрипка и немножко нервно". Ни телефона, ни адреса. Просто пришла женщина, оставила пьесу и ушла. Как быть? Ищут, ищут — ничего нет. Потом уже стали даже через ФСБ искать — нет. И вот уже загнанные в тупик, через телевидение я обращаюсь к зрителям: дорогие мои, если кто-ни-

будь из вас встречал молодую женщину, Светлану Савину, пусть позвонит Олегу Табакову. На следующий день мужской голос мне по телефону говорит: "Олег Павлович! Я — приятель Светланы. У нее телефон такой-то, адрес такой-то".

Потом я ее вызвал в Москву, в служебную командировку. Оказалось, она администратор в гостинице, окончила Краснодарский политех. Заключили с ней контракт, она поступила на Высшие литературные курсы. Так что учится теперь в Москве.

Мало этого. Еще одного автора нашли таким же образом. Вдруг мне прислают пьесу. Ну, точно как "Дорогой дедушка, Иван Макарович!" Из Минска парень, 21 год. Телефон, правда, оставил. Ну, он такой современный. У него там е-мэйл, точка ру, все в порядке. Тоже вызвал. Был у нас три дня. Контракта, правда, пока не заключил, но договорились, что через месяц даю конкретный ответ по поводу этой пьесы и по поводу еще двух пьес, которые он привез. Юрфак, БГУ. Что меня порадовало? В литературных конкурсах почти все время побеждают провинциалы. Здоровее они что ли, реальнее чувствуют проблемы.

— В свое время раскол во МХАТе называли моделью того, что происходит в стране. Все раскопалось, все разбегается, общество раскалывается. Вы не чувствуете, что возникают какие-то центропритягательные силы?

— Я думаю, что точку падения страна прошла, а то, что случилось с театром, — это к расколу нашего общества отношения не имеет. Это потом уже оформилось, по политическим причинам. То, что сделал Олег Ефремов в 1988 году, — было не от хорошей жизни. Это не был худ реформаторства, а необходимый шаг с непродуманными социальными последствиями, с полным отсутствием социальной защиты. И как бы вы не относились к Татьяне Дорониной, но она встала и грустно заслонила большую группу людей, которые были предоставлены почти улице. Труппа МХАТа к тому времени была более 150 человек. Люди встречались между собой два раза в месяц, когда получали заработную плату. Это просто дико, решение Олега о разделении и реформировании МХАТа я же в каком-то смысле и спровоцировал. Дело в том, кто и что хотел сохранить: кто незбылемым место до самой смерти, кто свою причастность к истокам мхатовским... Олег не мог охватить эту труппу в 150 человек. Давайте вернемся к тому, когда купец Архипов вез на лето в Кинешму антрепризу. Он брал 10 актеров, которые умеют играть, к ним 15 человек, которые помогают, еще 10—12 были телеграфисты с вокзальной станции и господа студенты на каникулах, т.е. на каникулах, как тогда говорили. Вот этой группой играли все — от Софокла и Еврипида до Охье и Сарду... Такой нужды, чтобы

труппа была много больше 50 человек, нет.

— Вы сказали, что главный критерий — это востребованность актера в соответствии с репертуаром. Как будет реформироваться труппа?

— Это будет продолжаться еще как минимум год, до окончания 2002 года. К этому времени во МХАТе должны выйти 10—12 спектаклей. В результате продленного объема работы я полагаю, труппа будет сформирована, да и то не навсегда. Труппа — это понятие живое.

— У вас сейчас столько административных должностей. Успеете ли вы сниматься в кино и как вам удастся все это совмещать?

— Удастся. За истекший год я снялся у замечательного венгерского кинорежиссера Иштвана Сабо, где играю полковника Дымшица. Действие происходит в июле — начале августа 1945 года, когда начинается борьба между советскими и американцами за умы и таланты людей Германии. Недавно закончил работу в фильме "Леди на день" Дмитрия Астрахана, который делает народное кино. Там снимается Марина Неелова, Александр Калягин, Инна Ульянова.

— Трагедия, которая произошла в Америке, последовали удары возмездия подняли и еще один важный вопрос: где находится индустрия увеселительных разрушений и где начинается трагедия жизни?

— Трудный вопрос вы задали. Это называется — доигрались. Есть вещи, которые нельзя делать. Нельзя показывать на себе, когда про болезнь говоришь. Не стоит ложиться в гроб раньше времени. Но это внешняя сторона вопроса.

Для меня лично то, что произошло в Америке, — это взрыв вселенского хамства. Бедные идут против богатых, отринув всяческую мораль. Даже если эти бедные в данной своей акции воспользовались деньгами других богатых.

Вот мой личный пример — с одной стороны, я пролетарий, мой дедушка по отцу был слесарь — золотые руки. А дедушка по маме — Андрей Францевич Пинтовский — был владельцем довольно большого имения в Балтском уезде Одесской губернии. Многие из того страшного, что называлось революцией, гражданской войной, проходило через семью. Один из дядей, дядя Гриша, был членом самой радикальной части партии "Народной воли" — Черный передел. Ему выпал билет убить человека. Он не смог этого сделать. Пришел домой, залез в яму, где со всего сада листья сжигали, снял ботинки, взял ружье, встал себе в рот и застрелился... Поэтому у меня к таким трагедиям личное отношение. Помню, мне было 12 лет, а мой дядя Толя жил напротив Саратовского ЮЗСа, где на фронте висел огромный портрет Сталина. Он подвел меня к портрету и сказал: вот этот слепокий 20 миллионов наших людей погубил. С тех пор я и начал жить двойной жизнью. Дальше были какие-то этапы надежды, связанные с оттепелью Хрущева, все было как в розовом тумане. Потом была еще одна серьезная надежда, когда "Один день Ивана Денисовича" был опубликован в 1963 году. Мы с Женской Евстигнеевой даже в партию вступили. Олег Ефремов нам сказал, что если не создадим первичную организацию, то не выйдет театр. Мы и вступили. В нашей партийной ячейке были Ефремов, Эрмман, Мила Иванова да еще один пожарник. А потом я случайно попал в Камбоджу. И это было последней точкой. Помню фотографии времен Пол Пота: стоят на коленях 12 человек, а двое идут по этому ряду и по голове каждому мотыгой. Вот и все. Вот это тоже 11 сентября, никакой разницы. Для меня во всяком случае.

— Не возникало у вас желание бросить все и уехать в Простоквашино?

— Вы знаете, хорошо бы. Но я уже взял на себя ответственность за тех 130, которые в "Табакерке", и за 540 — во МХАТе. Считайте 670. Это, пожалуй, тянет почти на батальон.

— Олег Павлович, вы выглядите энергичным и физически крепким мужчиной. Как вам удается поддерживать форму?

— Спортотом не занимаюсь. За спектакль "Кабала святош" я теряю килограмм. Примерно этот же вес теряю, когда играю "Амадея". Так что не до спорта.

— Ваше отношение к тому, что происходит за порогом театра. Как, по вашему ощущению, меняется баланс добра и зла, глупости и разума?

— Меняется. Социальная справедливость продвинулась, не намного, но продвинулась. Это для меня самое главное. Очень важно повысить денежное содержание учителям, врачам, милиционерам, военным. Я готов подождать. Возможно, вы скажете: у вас и так хорошая зарплата. Да! Но думаю, что и другие люди моего чеха скажут: мы подождем ради того, чтобы была достойная жизнь у педагогов, у врачей, у военных. В этом направлении делаются шаги. И мне это отдало.

Подготовила Юлия МАЛАХОВА.

Константин ЗАБРАЖИН

11.10.2001

Рос. газета, 2001, 11 окт, с. 10